

УДК 398.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме историзма фольклора

*Цаган Бадмаевна Селеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
E-mail: tsagana007@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Селеева Ц. Б., 2020

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме историзма фольклорных текстов. Особый интерес представляет сегмент историко-легендарного фольклора, представленный текстами исторических преданий в традиционной устной культуре ойратов Синьцзяна. Целью настоящего исследования является рассмотрение двух исторических преданий времен Аюки-хана с точки зрения проявления и проекции в них фольклорного историзма. В ходе исследования выявлено, что характерной чертой рассмотренных двух преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается в персонажах, имеющих прообраз реальных исторических лиц — Аюки-хана, Сетерджаб, Цеван-Рабдана, Галдан-Церена, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям и фактам. В предании о Мерген Джонуме обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — войной калмыков против Крымского ханства. В результате исследования выявлено, что историчность фольклорного текста не имеет прямой достоверности, поэтому определенные исторические события, подверженные компрессии и редукции, осмысляются в текстах преданий сквозь призму традиционных народных воззрений и представлений.

Ключевые слова: историческое предание, синьцзян-ойратская традиция, фольклорный историзм, Аюка-хан, исторические события, фольклорная компрессия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Селеева Ц. Б. О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме историзма фольклора // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 213–226. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

UDC 398.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

On the Two Historical Legends of Ayuka Khan Era in the Oirats of Xinjiang Tradition: on the Problem of Folk Historicism

*Tsagan B. Seleeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

E-mail: tsagana007@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Seleeva Ts. B., 2020

Abstract. The article discusses the problem of historicism of folklore texts. A segment of historical and legendary folklore that is represented by the texts of

historic stories in traditional oral culture of Xinjiang Oirats is of special interest. The goal of the research is to analyze two historic legends of Auka-Khan era from the perspective of manifestation and projection of folklore historicism in them. The study points out that the characteristic feature of the two stories in question is the high degree of ‘historicism’. ‘Historicism is represented in characters, that have the prototypes of real historical people — Auka Khan, Seterjab, Tseven-Rabdan, Galdan-Tseren, and also the narrative episodes that relate to certain historical events and facts. The legend about Mergen Jonum tells about series of conflicts that are connected to a specific historical event — a war of Kalmyks with Crimea Khanate. The author comes to a conclusion that historicism of the folklore texts doesn’t have direct authenticity, so certain historical events compressed and reduced are comprehended through a prism of traditional folk ideas and perceptions.

Keywords: historical legend, Xinjiang-Oirat tradition, folklore historicism, Auka-Khan, historic events, folklore compression

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Seleeva Ts. B. On the Two Historical Legends of Ayuka Khan Era in the Oirats of Xinjiang Tradition: on the Problem of Folk Historicism. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 207–220. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

Исторический фольклор взаимосвязан с особым механизмом исторической памяти, заключающимся в сохранении и трансляции в общественном сознании важнейших событий и явлений истории, деятельности выдающихся исторических личностей. Историческая память конструирует иерархию значимости того или иного исторического события и способна повлиять на создание его мифологии [Неклюдов 2007].

Теоретические аспекты данной актуальной проблематики рассматривались в работах В. Я. Проппа [Пропп 1976], Б. Н. Путило-

ва [Путилов 1988], А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона [Байбурин 1983; Левинтон 1984], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2007]. «Понимание форм общественного сознания невозможно без исследования специфики текстов, продуцируемых обществом, и их культурной трансмиссии, а также без учета механизмов отбора, иерархизации, редукции и компрессии жизненного материала, точнее — его проекций в общественной памяти и их роли в формировании устного ”исторического нарратива“» [Неклюдов 2007: 77–86].

В большей степени явно проявленный историзм в фольклоре присущ историческим песням и историческим преданиям. Б. Н. Путилов, исследуя русские исторические песни, отмечал, что повествование в них «соотносится с определенным историческим моментом в его преломлении через народное сознание и которое поэтому допускает самые широкие возможности для художественного вымысла» [Путилов 1960: 8].

Особый интерес являет сегмент историко-легендарного фольклора, представленный текстами исторических преданий в традиционной устной культуре калмыков и ойратов Сивьцзяна. Историческое прошлое калмыков нашло отражение в этногенетических мифах о происхождении родов и племен, легендах и преданиях о значимых исторических личностях и событиях: Чингис-хан, Аюка-хан, Дондук-Омбо, Убаши-хан, Цебек-Дорджи нойон, Лузан-Шуно, Галдмба и др.; откочевка из Джунгарии, откочевка в Джунгарию, русско-калмыцкие и калмыцко-джунгарские отношения, героические войны и сражения с иноземцами и др. Целый цикл повествований несказочной прозы посвящен известному калмыцкому тайше и полководцу Мазан-батыру, ставшему популярным героем калмыцкого фольклора. Исторические легенды и предания, посвященные Мазан-батыру, довольно подробно рассмотрены в диссертационном исследовании Б. Ю. Сенглеева [Сенглеев 2020]. Калмыцкие народные легенды и предания исследованы Д. Э. Басаевым [Басаев 2009]. Образцы калмыцких исторических легенд и преданий вошли в сборник «Семь звезд» на русском языке, подготовленный Д. Э. Басаевым [Семь звезд 2007], и в научное двуязычное издание калмыцких мифов, легенд и преданий, подготов-

ленное Т. Г. Басанговой, осуществленное в рамках проекта Свода калмыцкого фольклора [Мифы, легенды... 2017].

Синьцзян-ойратская традиция легенд и преданий изучалась Т. Джамцо, Г. Намджил, Б. Дамринжав, Буйн-Кишиг, Ш. Норов и др. Г. Намджил, Б. Дамринжав и др. [Намжл 2010а; Намжл 2010b; Намжл 2010с; Намжл 2010d; Собрание сказок ... 2006]. Сравнительно-сопоставительное изучение синьцзян-ойратских и калмыцких мифов, легенд и преданий в контексте общемонгольской традиции впервые проведено Осорин Утнасун [Осорин 2015]. В монографическом исследовании рассмотрены вопросы бытования и изучения, а также проведен сравнительный анализ калмыцких и синьцзян-ойратских текстов. Третья глава посвящена историческим преданиям и песням. В ней в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается ряд исторических преданий синьцзян-ойратской традиции, посвященных историческим деятелем Агван-Чойдару, Лузан-Шуно, Сетерджаб и Галдмбе. Следует отметить, что в синьцзян-ойратской традиции Галдмба является наиболее популярным историческим героем, ему посвящено большое количество легенд и преданий [Халдмбан үлгүр 1985; Халдмбан үлгүрмүд 1989].

В данной статье мы рассмотрим два исторических предания ойратов Синьцзяна, опубликованных в издании «Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР» («Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel»): «Предание о Сетерджаб» («Seterjabin üliger») [Собрание сказок... 2006: 79–82] и «Предание о том, как Мерген-Джинонг был посвящен в богатыри» («Mergen Jonomin baatr col ologson») [Собрание сказок... 2006: 86–87].

«Предание о Сетерджаб» повествует о браке, заключенном джунгарским правителем хунтайджи с Сетерджаб, дочерью калмыцкого Аюки-хана, в качестве примирения хунтайджи с Аюкой-ханом и ее трагической судьбе.

Джунгарский хунтайджи имел мощное войско и был превосходным полководцем. Решил он как-то завоевать

кочевья калмыцкого Аюки-хана и послал помощника Джавана с людьми на разведку. Сановник Джаван внимательно изучил положение дел в кочевье Аюки-хана — народ многочислен, но живет хуже их, и войско уступает им. Тогда Джаван подумал о том, что зачем сильным завоевывать слабых и проливать кровь, если они братские монгольские народы красной кисти.

У Аюки была необычайной красоты дочь Сетерджаб. Увидев ее, сановник Джаван подумал, что хорошо бы выдать ее замуж за хунтайджи, породнить и примирить двух нойонов. Джаван провел переговоры с двумя правителями и добился согласия. Сетерджаб ради благополучия своего народа согласилась выйти замуж за хунтайджи. Джаван в качестве подношений преподнес хунтайджи хадак и дары, после чего забрал Сетерджаб и привез домой. Хунтайджи, женившись на Сетерджаб, прекрасно и счастливо жил.

Спустя одиннадцать лет Аюка-хан отправил к дочери своего младшего брата Ямана с шестью прекрасными мужами, в числе которых были — борец, мечник, нагаечник, искусный всадник, меткий лучник. Яман, приехавший навестить племянницу Сетерджаб, был тепло принят хунтайджи, больше месяца пировали они. Хунтайджи устроил пять видов состязаний — во всех победу одержали славные мужи Ямана. Тогда хунтайджи пришел в ярость, посчитав, что ему не дали и единого шанса, лишив его славного имени. С одобрения своих сайдов он решил направить дружину для расправы с гостями, когда они отправятся в обратный путь. Добросердечный сановник Джаван отправился к Сетерджаб и поведал обо всем: хунтайджи задумал расправиться с ее дядей за проигрыш в состязаниях.

Сетерджаб, не имея личной возможности встретиться с дядей, решила предупредить его о грозящей опасности. Она собственноручно приготовила ужин — отварное баранье мясо с трубчатой кости предплечья отделила, уложила в деревянном корыте кругом, в середину воткнула трубчатую кость, а затем повелела отнести чашу с мясом дяде. Дядя, увидев то, как уложено мясо в корыте, понял, что дела их

плохи. Трубчатая кость — это они, а мясо вокруг кости — это войско хунтайджи, окружившее их для расправы над ними.

Сначала путем предпринятых ухищрений удастся бежать шестерым богатырям из свиты Ямана, а потом с помощью сановника Джавана удастся бежать и самому Яману. Прощаясь, сановник сказал Яману, что «ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет», и дал понять, что готов умереть ради него. Разгневанный хунтайджи посчитал, что это дело рук его супруги, и отрубил ей правую грудь. От потери крови Сэтэрджаб скончалась.

Сановник Джаван пришел к хун тайджи с повинной, сделал признание, что это дело его рук, а не Сэтэрджаб, и попросил его казнить. Хунтайджи там же на месте его зарубил. С тех самых времен в народе говорят: «Ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет». (Смысловой перевод содержательной части предания выполнен Ц. Б. Селеевой).

«Предание о Сэтэрджаб» отражает реальные исторические события взаимоотношений между Джунгарским и Калмыцким ханствами конца XVII – начала XVIII вв. Ход событий в Джунгарии часто оказывал влияние на действия калмыцких тайшей. Как известно, калмыцкий хан Аюка после смерти Галдан Бошогу-хана постарался укрепить свои связи с соперником Цеван-Рабданом, ставшим новым правителем Джунгарского ханства. По традиции дружественные отношения в политике подкреплялись брачными союзами. В 1697–1698 гг. калмыцкий хан выдал свою дочь Сэтэрджаб замуж за джунгарского хунтайджи, а сам женился в четвертый раз, взял в жены двоюродную сестру Цеван-Рабдана Дарма-Балу [Письменные памятники... 2016: 42].

Известно, что Цеван-Рабдан стремился объединить под своей властью разрозненные группировки ойратов, включая и волжских торгутов. В свою очередь и Аюка-хан во внутренней и внешней политике стремился к консолидации ойратского этноса. В пери-

од правления хана Аюки (1669–1724 гг.) полностью завершился процесс этнической консолидации всех групп ойратов в единую калмыцкую этническую общность; на Волгу продолжали прибывать различные группы ойратов, вытесненные из Джунгарии междоусобными войнами Галдан-Бошокту-хана и его преемниками; Калмыцкое ханство в этот период достигло наивысшего расцвета и играло заметную роль в Центральной Азии.

Одним из важных направлений во внешней политике Калмыцкого ханства времен правления Аюки-хана были связи с Джунгарией и Тибетом. Отношения поддерживались в силу сохранившихся традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, ради торговых и религиозных интересов и т. п. [Тепкеев 2018: 343].

В предании прослеживается феномен фольклорной компрессии. К семантическому ядру основного события (брака, заключенного джунгарским правителем хунтайджи с Сетерджаб, дочерью калмыцкого Аюки-хана, в качестве примирения хунтайджи с Аюкой-ханом) присоединяются и два других эпизода: визит брата Аюки-хана Ямана и связанный с ним эпизод трагической гибели Сэтэрджаб от руки супруга хунтайджи, относящиеся к другим, более поздним историческим событиям.

Известно, что после смерти Цеван-Рабдана власть и престол унаследовал его сын Галдан-Церен, рожденный от старшей супруги. Поверив наветам, он жестоко казнил Сетерджаб и ее детей. У Цеван-Рабдана и Сетерджаб было семеро детей. Спасти удалось лишь их сыну Лузан-Шуно, который смог бежать на Волгу, к родственникам по материнской линии. В калмыцком и ойратском фольклоре бытует множество легенд о Лузан-Шуно. В исторических летописях также зафиксирован факт прибытия от волжских калмыков послов, которых казнил Галдан-Церен.

Фольклорное осмысление в предании дается через образы главных персонажей повествования. Джунгарский хунтайджи представлен могущественным, но безжалостным, горделивым и кровавым правителем. Налицо прием фольклорной компрессии,

когда в персонаже хунтайджи сливаются два исторических лица и связанные с ними события. Положительный — Цеван-Рабдан, примирившийся с Аюкой-ханом и составивший счастливый брак с Сетерджаб. И отрицательный — Галдан-Церен, учинивший расправу над калмыцкими послами и казнивший Сетерджаб.

Главные персонажи Сетерджаб и сановник Джаван исполнены жертвенности и добродетели. Ради благополучия своего народа Сетерджаб выходит замуж за хунтайджи, а затем оказывает помощь своему дяде и жертвует собой. Сановник Джаван проявляет мудрость и примиряет враждующих правителей, а затем ценой собственной жизни спасает Ямана и его мужей. Особым смыслом наполнено изречение мудрого сановника Джавана («Ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет»), объясняющее его решение пожертвовать собой.

«Предание о том, как Мерген-джинонг был посвящен в богатыри» рассказывает о совершенном первом инициационном подвиге героя-юноши, в результате спасшего родную державу от вторжения вражеского войска.

Это было в те времена, когда торгуты жили на берегах реки Волги. Однажды в пределы кочевий Аюки-хана вторглось большое вражеское войско. Чтобы казаться внушительнее, то войско было построено в ряды по тысяче воинов. Руководил войском хан, находившийся в самом центре.

Когда войско вторглось в пределы торгутского кочевья, их увидел восемнадцатилетний юноша Джинонг. Взяв лук, с расстояния пяти километров нацелился и пустил стрелу в человека, ехавшего в самом центре войска в нарядных желто-пестрых одеждах. В самую грудь сразил он хана. Обеспokoенные воины склонились над своим ханом.

Сраженный стрелой и выпавший с коня хан очнулся и сказал, что, еще не войдя в кочевья державы, он сражен стрелой какого-то юнца. Видимо, им не суждено завоевать эти кочевья, поскольку удача и счастье хана той державы в далеких высотах от него. Он отдал приказ о прекращении войны и заключении перемирия.

Для заключения мира хан отправил посла с письмом и печатью. Аюка-хан ознакомился с письмом, заключил перемирие с ханом. После этого в кочевье Аюки излечили рану хана и устроили большой пир.

Как-то в один из дней хан дал знать Аюке-хану, что он хотел бы посмотреть на того отважного мужа, что его ранил. Аюка-хан выразил сожаление, что сам не знает, кто на это осмелился. Тогда хан обратился с просьбой к Аюке-хану, чтобы он собрал весь народ и провел всех перед ним, — он сам попытается распознать юношу. Аюка-хан велел собрать всех мужчин кочевья и провести перед ханом. Хан посмотрел всех и заключил, что среди тех мужчин нет того, кто с расстояния пяти километров смог бы пустить стрелу. Искали, но не могли найти того храбреца.

Однажды хан заметил юношу, сгрудившего бурдюки *чигяна* у дверей Аюки-хана, и повелел привести к нему того юношу. Когда юноша явился, то хан, дивясь, рассмотрел его, затем спросил об имени и возрасте. Юноша представился Джинонгом восемнадцати лет. Хан поинтересовался об умении юноши стрелять из лука. Юноша скромно признался в своем умении стрелять из лука.

Хан отправил к Аюке-хану посла, чтобы он расспросил юношу сам, поскольку считает, что это и есть тот, кто сразил его стрелой. Аюка-хан расспросил юношу, тот признался, что он действительно стрелял в хана. Затем Аюка-хан осведомился у юноши о причине, по которой он стрелял в хана. Юноша поведал о своем явном намерении сразить хана, поскольку тот пытался завоевать их кочевья.

Аюка-хан привел Джинонга к хану, подтвердив, что это действительно тот храбрец, кто сразил его стрелой. Хан внимательно посмотрел на Джинонга и отдал распоряжение принести лук со стрелами, чтобы испытать юношу. Принесли огромный черный лук, что принадлежал великим предкам Аюки-хана. Этот лук пытались, но никто не мог натянуть. Юноше повелели натянуть лук. Восемнадцатилетний юноша взял тот лук и натянул полностью. Хан хара (харам?) нутука убедился в храбрости и силе Джинонга, его

тронула честность и искренность юноши, признавшего в совершенном поступке, после чего он проникся к нему чувством глубокого уважения.

Аюка-хан повелел облачить юношу в боевое снаряжение и шлем, подарил ему легендарный лук и пожаловал титул именоваться юноше Очир Мерген-джинонг. (Смысловой перевод содержательной части предания автора Ц. Б. Селеевой).

Исторический контекст описываемых в предании событий определяется периодом, когда Калмыцкое ханство под предводительством Аюки-хана играло значительную роль в охране южных границ российского государства. События начала XVIII в. показали значимость калмыцкого фактора в условиях противостояния России и Крымского ханства [Тепкеев 2018: 347]. Смеем предположить, что в предании отображено историческое противостояние России против Крымского ханства (*хара / харам нутук*), в котором активно и непосредственно участвовали калмыки.

Перемирие, заключенное между иноземным ханом и Аюкой-ханом, имеет и историческую основу. Сближения сторон носили временный и неглубокий характер, были обусловлены определенными политическими и торговыми обстоятельствами. «Несмотря на временное сближение с Крымом, калмыцкие тайши в основном сохраняли верность договоренностям с Россией. Колебания во внешнеполитической линии *тайшей* проистекали из изменений политической и экономической конъюнктуры и не носили долговременного характера» [Тепкеев 2018: 344].

Следует отметить важную роль крымской дипломатии, которая находит отражение в предании. Известно, что калмыки, несмотря на предпринятые усилия российской стороны, так и не приняли участие во втором Крымском походе В. В. Голицына в 1689 г. «Крымская дипломатия на калмыцком направлении добилась значительного успеха, для достижения своей цели она в полной мере использовала все противоречия, существовавшие на тот период в русско-калмыцких отношениях» [Тепкеев 2018: 114].

В структуре сюжета и мотивах предания прослеживается влияние фольклорных моделей «эпической биографии»: инициационный первый подвиг героя, посвящение в богатыри и обретение геройских атрибутов. Инициационный подвиг юноши Мерген-джинонг знаменуется крупной победой над мощным и сильным противником. Изначально очевидно военное преимущество иноземного хана, вторгшегося в пределы калмыцких кочевий. Отважным и героическим, но вместе с тем дерзким выглядит поступок юноши-героя Мерген-джинонг, осмелившегося посягнуть и сразить иноземного хана с расстояния пяти километров. Оказавшись явно в позиции слабой стороны, лишь проявлением богатырской воли, примененной стратегии и тактики, а также искусным владением луком юноша Мерген-джинонг спасает родное кочевье от вторжения врага. Ранение и падение из седла хана-полководца повергает войско противника в трепет и замешательство, а самим ханом воспринимается как особый знак удачливости его соперника Аюки-хана.

Благородным и скромным выглядит дальнейшее поведение юноши-героя Мерген-джинонга, когда иноземный хан и Аюка тщетно пытаются отыскать храбреца среди мужей кочевья. Иноземный хан случайно обнаруживает юношу-героя и идентифицирует его после достойного прохождения им богатырского испытания — натягивания тетивы огромного черного лука, который не под силу было натянуть никому. В типологическом отношении проявление богатырской силы, связанное со сгибанием богатырского лука, является характерным для тюрко-монгольской героической эпики [Липец 1984: 69].

Мерген-джинонг после совершения первого богатырского подвига сообразно эпическому герою обретает «статус героя» в народе и посвящается в богатыри, получив геройские атрибуты, — богатырское снаряжение и черный лук, принадлежавший великим предкам Аюки-хана.

Характерной чертой рассмотренных двух преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается в персонажах, имеющих прообраз реальных исторических

лиц, — Аюки-хана, Сетерджаб, Цеван-Рабдана, Галдан-Церена, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям и фактам. Так, брак, заключенный между джунгарским правителем хунтайджи Цеван-Рабданом и дочерью Аюки-хана Сетерджаб, являлся дипломатическим приемом укрепления Аюкой-ханом внешних связей с близкородственной ойратской Джунгарией. У ойратов и их правителей было сильным сознание племенного единства, а брачные связи способствовали налаживанию родственных и экономических связей. В предании о Мерген-джинонге обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — войной калмыков против Крымского ханства. Волею случая проявленная личная отвага и героизм юноши Мерген-джинонге способствовали победе над превосходящим по силе и мощи противником.

Историчность фольклорного текста не имеет прямой достоверности, поэтому определенные исторические события, подверженные компрессии и редукции, осмысляются в текстах преданий сквозь призму традиционных народных воззрений и представлений.

Литература

- Байбурин, Левинтон 1983 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. Т. 32. Рр. 3–31.
- Басаев 2009 — *Басаев Д. Э.* Калмыцкие народные легенды и предания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Элиста, 2009. 18 с.
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 266 с.
- Мифы, легенды и предания калмыков 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М., 2017. 367 с.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре [электронный ресурс] // Сборник к 60-летию А. К. Байбурина. *Studia Ethnologica*. Труды факультета этнологии. Вып. 4. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86.

- Осорин Утнасун 2015 — *Осорин Утнасун*. Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.
- Письменные памятники... 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописем. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- Путилов 1960 — *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 303 с.
- Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сенглеев 2020 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 22 с.
- Собрание сказок... 2006 — Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР. Урумчи: Нар. изд-во Синьцзяна, 2006. 866 с.
- Тепкеев 2006 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Халдмбан үлгүр 1985 — Халдмбан үлгүр // Хан теңгр. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1985. № 2. 140 х.
- Халдмбан үлгүрмүд 1989 — Халдмбан үлгүрмүд // Хан теңгр. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1989. № 1. 200 х.
- Дамринжав 2006 — Дамринжав Б. Өөрдин баатрлг үлгүрин судлл. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 2006. 358 х.
- Намжл 2010 а — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Шүтлг бишрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 а. 457 х.
- Намжл 2010 б — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Оюна эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 б. 417 х.
- Намжл 2010 с — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Аху эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 с. 517 х.
- Намжл 2010 d — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Ниигм эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 d. 411 х.